

П. А. Бакунин

Основы веры и знания

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 101
ББК 87
П11

П11 **П. А. Бакунин**
Основы веры и знания / П. А. Бакунин – М.: Книга по Требованию, 2014. – 414 с.

ISBN 978-5-458-14639-5

В книге "Основы веры и знания" нашли отражение основные философские идеи Павла Александровича Бакунина. В ней он рассматривает Абсолютный дух как творческий принцип, цель и смысл действительности, которая диалектически проявляется в истории и как «инобытие» Абсолюта.

ISBN 978-5-458-14639-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧТО ТАКОЕ ВЪРА?

Если о какой нибудь эссенции говорятъ, что она выдохлась, то этимъ выражаютъ, что она уже ни на что не годится, что ей слѣдуетъ выбросить.

Подобнымъ образомъ, когда о человѣкѣ говорятъ, что онъ извѣрился, то этимъ означаютъ, что въ немъ пропала всякая вѣра, что поэтому — ни вѣрить ему, ни полагаться на него ни въ чемъ невозможно; такъ какъ, не имѣя въ себѣ никакой вѣры, онъ и самъ себѣ не вѣрить и ни въ чемъ не можетъ на себя положиться.

Вѣрить — значитъ имѣть въ себѣ твердый принципъ, или собственное начало своего бытія, которымъ весь порядокъ существованія опредѣляется независимо отъ внѣшней среды и вещей ея.

Не вѣрить — значитъ не имѣть въ себѣ принципа своего, или собственного начала бытія, и потому, опредѣляясь не изъ себя самого, но изъ внѣшней среды, быть вещью между другими вещами и подчиняться господству и опредѣленію внѣшнихъ вещей.

Въ себѣ извѣрившійся человѣкъ не признаетъ ни за собой, ни за другими никакой сущности, никакой дѣйствительности; все сдается ему несущественнымъ, совершенно пустымъ или призрачнымъ бытіемъ; и онъ самъ во всѣхъ отношеніяхъ, во всѣхъ дѣлахъ и заботахъ своихъ, всею цѣлостью своей жизни, проходя и исчезая совершенно пустымъ призракомъ, обѣять со всѣхъ сторонъ себѣ подобными призраками, безъ всякой сущности, и не имѣть силы ни отвратить отъ себя, ни

отстраниться самъ отъ ихъ дикихъ и обманчивыхъ на-
вождений.

Не только индивиды, но случается, что и цѣлое общество утрачиваетъ вѣру свою; и тогда оно, не находя въ себѣ силы утверждать собою самобытный порядокъ своего общественного существованія, подчиняется всякому давленію вѣшней среды. Объ обществѣ, утратившемъ вѣру свою, можно съ равнымъ правомъ сказать, что оно извѣрилось, — и уже не имѣя никакой дѣйствительности ни въ своей жизни, ни въ своихъ общественныхъ отправленияхъ, не живеть, а только попусту теряется и безъисходно пропадаетъ между пустыми призраками и кошмарными навожденіями своей мнимой общественности.

Вѣрить — значитъ утверждать самыи существомъ своимъ какъ самое значеніе, такъ и порядокъ своего существованія; чтобы утверждать собою какое либо значеніе, какой либо порядокъ, — необходимо быть твердымъ въ себѣ самомъ; иначе, никакое утвержденіе, невозможно: такъ какъ, безъ твердости въ себѣ, все собою утверждаемое оказывается по необходимости не твердымъ, а шаткимъ, — не утвержденіемъ, а только колебаніемъ и сомнѣніемъ; — не жизнью, которая въ своей дѣйствительности есть всегда несомнѣнное утвержденіе, — а только отрицаніемъ или пріостановкою и замираніемъ всякой жизни.

Всякая жизнь есть жизнь лишь на сколько она есть сама собою и стоитъ на той истинѣ, въ которую вѣрить; когда же она утрачиваетъ вѣру свою, ей уже не на чёмъ стоять въ себѣ, — и она вынуждена опираться о что либо другое; вслѣдствіе чего она перестаетъ быть сама собою, перестаетъ быть жизнью и неминуемо пропадаетъ.

Безъ вѣры, безъ незыблемой увѣренности въ себѣ самой, жизнь не можетъ быть дѣйствительной жизнью, но обращается въ мнимую жизнь, въ пустой призракъ, или личину жизни, въ которыхъ нѣть жизненного

содержанія. Но затѣмъ, самъ собою возникаетъ вопросъ,—что же такое вѣра, безъ которой и самая жизнь есть не жизнь, а только призракъ жизни?

То, что называется вѣрою, известно лишь по внѣшнимъ признакамъ и проявленіямъ; но чтобы сказать, что такое вѣра, требуется знать, что она такое по самому существу, что она такое по ея смыслу.

Во всяко го рода вещахъ существенно различаются ихъ двѣ стороны: одна, которая очень замѣтна, всѣмъ открыта и, такъ сказать, сама всѣмъ въ глаза бросается, составляетъ ихъ внѣшнюю поверхность, ихъ чувственнымъ образомъ видимую матерію. Другая, напротивъ, скрыта отъ взоровъ и, какъ самый смыслъ или самая сущность видимыхъ вещей, глубоко таится внутри: чтобы проникнуть въ эту глубь и познать самый смыслъ того, что видимо, требуется столь же глубокое вниманіе, безъ котораго приходится довольствоваться лишь внѣшнею оболочкою, или чувственnoю матеріею вещей.

Такъ какъ, говорить о вещахъ по существу очень трудно, то, говоря о нихъ, толкуютъ обыкновенно не о ихъ существѣ и смыслѣ, а только о томъ другомъ содержаніи, которымъ онѣ снаружи ограничиваются и опредѣляются, которое есть ихъ видимая, внѣшняя матерія.

Такимъ образомъ, когда вопрошаютъ, что такое истина, то вместо того, чтобы говорить о ея существѣ, обыкновенно довольствуются указаніемъ на то, что не есть истина, и распространяются о безчисленныхъ видахъ и образахъ, какими проявляются ложь и заблужденія.

Когда вопрошаютъ о сущности добра, то въ отвѣтъ возникаютъ неистощимые толки о всевозможныхъ проявленіяхъ зла: потому что виды и образы зла представляются чрезвычайно обильнымъ и очень разнообразнымъ содержаніемъ, котораго всюду и всегда очень много; такъ что о немъ и можно сказать очень много и всего никогда не высказать. А добро, напротивъ, едино по существу, — его много нигдѣ не бываетъ, содержаніе его — не обильно; къ тому же оно очень однообразно и

такъ не замѣтно, что о нѣмъ самомъ, о его сущности, кажется, и сказать нечего.

Такъ точно и по отношенію къ тому, *что* есть прекрасное, разговориться очень трудно: восхищаясь красотою, плѣняясь благообразіемъ, прибѣгаютъ обыкновенно къ восклицаніямъ, а истощивъ весь запасъ восклицаній, продолжаютъ любоваться молча. Потому что толковать о существѣ прекраснаго, если и не напрасно, а быть можетъ, и очень поучительно, но во всякомъ случаѣ — очень скучно; такъ какъ всякий, кто толкуетъ объ этомъ, вынужденъ повторяться. Являясь всюду и всегда неизмѣнно сообразнымъ само съ собою, какъ постоянное одно и то же, прекрасное въ существѣ своемъ до того просто, что его великая простота, по сравненію съ измѣнчивымъ разнообразіемъ ежедневнаго содержанія жизни, отзывается какъ будто пустотою, о которой много сказатъ, разумѣется, нечего.

Напротивъ, о безобразіяхъ всякаго рода и вида, во всѣхъ образахъ и сферахъ бытія достаточно наговориться никогда нельзя: такъ ихъ всегда и всюду много, до того они неисчерпаемо разнообразны, что конца толкамъ и разговорамъ о нихъ почти не предвидится; всякий способенъ сказать о нихъ что нибудь свое, новое; и по всей вѣроятности о нихъ можно будетъ говорить, бесѣдовать и раскрывать свои воззрѣнія до скончанія свѣта.

Красота, добро, истина, выражая собою самый смыслъ бытія, или его сущность и дѣйствительность, пребываютъ невидимыми, незамѣтными, никому не бываютъ въ глаза, никого не поражаютъ; ихъ нужно умѣть увидѣть. Но зато тѣмъ виднѣе, замѣтнѣе и поразительнѣе бываетъ все то другое содержаніе, въ которомъ пѣтъ ни птицы, ни добра, ни красоты, т. е. нѣтъ ни сущности, ни дѣйствительности, ни смысла, а только призраки и наважденія всякаго рода лжи и заблужденія, всякаго рода зла и насилия, всякаго рода пошлости и безобразія, — вообще всякаго безсмыслия мнимаго бытія.

Точно такимъ образомъ и по той же причинѣ,

когда вопрошаютъ о существѣ вѣры, въ умѣ сами собой возникаютъ представлѣнія о томъ, что именно и не есть вѣра; и говорится или о суевѣріи, или о невѣріи.

И хотя по здравой логикѣ, довольно странно и даже ни съ чѣмъ несообразно, имѣя въ виду одно, начинать рѣчь о другомъ, однако по установленнѣи складу ума и мысли, иного пути не видно и, оставаясь въ предѣлахъ понятности, нельзя входить въ самый предметъ обсужденія иначе, какъ приступая къ нему со стороны, че-резъ другое, для него вполнѣ чуждое содержаніе.

Говорить понятно о самой сущности вѣры было бы не только затруднительно, но едва-ли и возможно безъ предварительного обсужденія ей посторонняго содержанія, которое, составляя ея предѣлы, даетъ ей по крайней мѣрѣ ея вѣшнее опредѣленіе.

И потому, на вопросъ, что такое вѣра, — въ ея субъективномъ образѣ и въ ея объективномъ содержаніи, — изслѣдованіе должно по необходимости начинаться съ обсужденія того, что именно есть не вѣра, а только предѣлы ея, только суевѣріе и невѣріе.

Въ дѣйствительномъ смыслѣ вѣры, вѣрить — значитъ утверждать всѣмъ существомъ своимъ то, что признается за дѣйствительную и несомнѣнную истину.

Но между самою истиной и тѣмъ, что мнѣніемъ признается и выдается за истину, вмѣсто полнаго совпаденія, очень нерѣдко бываетъ не только вѣкоторое малое или большее различіе, но и полнѣйшая несовмѣстность.

Вслѣдствіе этого, вмѣсто дѣйствительной истины очень нерѣдко утверждается только мнимая истина: такое утвержденіе, облекаясь въ образѣ и присвоивая себѣ все значеніе вѣры, становится не дѣйствительною, а только мнимою вѣрою, или тѣмъ, что обыкновенно и называется суевѣріемъ.

Извѣдавъ опытомъ, какъ часто мнимая листина при-

знается и выдается за сущую, или действительную истину, и какъ легко суевѣrie застуپаетъ мѣсто действительной вѣры, сознаніе, вооружась осторожнымъ недовѣriемъ по отношенію къ такого рода утвержденіямъ, переходить очень нерѣдко къ полному сомнѣнію и совершенному отрицанію всего, что бездоказательно утверждается въ силу вѣры, или суевѣriя, которыя оно, уже не различая одно отъ другаго, признаетъ одинаковымъ же заблужденіемъ, и тѣмъ самыемъ обращается въ тотъ опасливый и отрицательный образъ мышленія, который именуется невѣriемъ.

Если не всѣмъ, то по крайней мѣрѣ тѣмъ, кто обращалъ вниманіе на различія и несомнѣнности въ существующихъ образахъ мышленія, достаточно извѣстно, который изъ нихъ разумѣется суевѣriемъ и который—невѣriемъ.

Развиваясь другъ противъ друга не только въ различныя, но и во взаимно-противуположныя и даже враждебныя направленія, убѣжденія, ученія и міровоззрѣнія, суевѣriе и невѣriе встрѣчаются во всѣхъ сферахъ частной и общественной человѣческой жизни какъ отъявленные противники и ведутъ между собою нескончаемый, упорный и временами ожесточенный споръ: потому что они взаимно ненавистны другъ другу, и чѣмъ дальше они отстоятъ отъ того, что есть действительная вѣра и ея действительная истинна, тѣмъ сильнѣе возгорается ихъ взаимная ненависть.

Ихъ споръ ведется между пими издавна, во всеуслышаніе и притомъ такъ рѣзко, такъ громко, что въ настоящее время едва ли кто изъ грамотныхъ не слыхалъ и не знаетъ, что суевѣriе обвиняется невѣriемъ въ томъ, что въ его основаніи лежитъ предубѣжденное невѣжество, которое, затемняя умъ и самый свѣтъ мысли своею тьмою, наполняя сознаніе пустыми призраками и наважденіями всякаго рода мистицизма и обскурантизма, препятствуетъ ему познать содеряніе міра въ его истинѣ. — А съ другой стороны, певѣriе обвиняется

суевъріемъ въ томъ, что оно опирается исключительно на данные опытнаго, или научнаго ученія, которое, возбуждая въ умѣ суетную гордость, ослѣпляетъ его своимъ чрезвычайнымъ блескомъ до совершенной слѣпоты,— до того что человѣкъ, какъ несмышленый ребенокъ, видѣть только проходящія вещи,— потому что онъ блестяще и поражаютъ его вниманіе,— и утрачиваетъ способность видѣть и понимать не чувственную, но вѣчную и духовную сущность міра и жизни.

Указывая на неимовѣрную гордыню, которую возносится невѣріе, на его крайнюю ограниченность и жестокое ослѣпленіе, суевъріе преисполнено сознаніемъ, что люди, пытаясь все понять и до всего дойти умомъ своимъ, забываютъ о его тѣсныхъ предѣлахъ и не видѣть, что ихъ обступаетъ со всѣхъ сторонъ необъятность невѣдомаго, которую они потому и не могутъ видѣть, что воображаютъ, будто все видѣть,— потому и не могутъ понять, что льстятъ себя самомнѣніемъ, будто уже все понимаютъ. На самомъ же дѣлѣ, они усматриваютъ своимъ ограниченнымъ умомъ только ограниченныя вещи, только чувственную матерію міра; а самая безконечность, о которой простымъ и неученымъ людямъ свидѣтельствуютъ несомнѣннымъ образомъ какъ вся совокупность міра, такъ и малѣйшая былинка въ немъ,— а все духовное и самая истина всего мірозданія ускользаютъ отъ грубыхъ приемовъ человѣческаго разсудка и недоступны ему.

Потому что, — учить суевъріе, — безконечную и духовную истину понимать можно не умомъ, не разсудкомъ, не посредствомъ физическихъ опытовъ или логическихъ построеній и выводовъ изъ конечной матеріи, а только безконечнымъ смиреніемъ умиленного чувства и сердца, которое не ослѣплено мнимою ученостью, не замкнуто гордынею самомнѣнія, но съ дѣтскимъ простодушiemъ предается таинственнымъ внушеніямъ вѣры и ея святаго откровенія.

Указывая на суевъріе и на его общеизвѣстный, все затемняющій, мистическій обскурантизмъ, невѣріе съ

своей стороны, полагая безспорнымъ, что въ основаніи суевѣрія лежитъ невѣжество, прибѣгаеть къ старому сравненію мрака невѣжества съ мракомъ ночи и свѣта знанія съ дневнымъ свѣтомъ.

Во тьмѣ ночной, какъ всѣмъ извѣстно, въ замѣнѣ дѣйствительного содержанія, которое не видю, обыкновенно чудятся всякаго рода чудища, навожденія и кошмары, которыхъ однако на самомъ дѣлѣ неѣть въ дѣйствительности и которые, разступаясь какъ туманы, исчезаютъ при первыхъ лучахъ наступающаго дневнаго свѣта. Такъ точно и призраки невѣжества и навожденія обскурантизма не выдерживаютъ свѣта знанія, но, исчезая въ лучахъ его, обращаются сами собою въ ничто, когда озаряются научною критикою.

Никакая тьма невѣжества, какъ бы ни отстаивали ее сторонники обскурантизма, не въ силахъ устоять предъ критикою дѣйствительного знанія: она неминуемо отступаетъ предъ свѣтомъ ея и, таясь лишь въ темныхъ углахъ и закоулкахъ, куда свѣть еще не успѣла проникнуть, должна по необходимости окончательно исчезнуть и уступить свое мѣсто вседневному свѣту.

Сравненіе, конечно, не есть доказательство, и споръ не только не прекращается, но ведется лишь съ болѣею ревностью и болѣшимъ ожесточеніемъ: певѣріе упрекаетъ суевѣріе въ невѣжествѣ, а суевѣріе корить невѣріе въ заносчивости и въ систематическомъ ослѣпленіи: одно стоитъ другаго.

При этомъ споръ и при обоюдныхъ утвержденіяхъ, укорахъ и притязаніяхъ, какъ съ одной, такъ и съ другой стороны, еслибы было доказано выше всякаго сомнѣнія, что суевѣріе, какъ увѣряютъ его противники, исходитъ отъ невѣжества, или что невѣріе, какъ утверждаютъ его противники, грѣшитъ ослѣпленіемъ, что та или другая сторона покоится не на дѣйствительномъ, а только на мнимомъ знаніи, какъ бы оное ни называлось,— невѣжествомъ или ослѣпленіемъ,— то ихъ взаимный споръ могъ бы быть разрѣшенъ и просто, и скоро.

Потому что всякий согласится, что должно сохранить тотъ образъ мышленія, который имѣть въ своемъ основаніи дѣйствительное знаніе; а отъ другаго, ему противуположнаго, основаннаго лишь на невѣжествѣ, или на ослѣпленіи, слѣдуетъ, напротивъ, какъ можно скорѣе и полноѣ отрѣшиться: такъ какъ, хотя и случается утверждать что либо по невѣжеству или въ силу ослѣпленія, однако никто не станетъ, да и не можетъ утверждать что либо во имя и на основаніи сознаваемаго невѣжества или завѣдомаго ослѣпленія. Для всякаго мыслящаго существа, безразлично къ такому или иному образу его мышленія, во сколько желательно дѣйствительное знаніе, во столько же нежелательно невѣжество и ослѣпленіе, которые ведутъ всякаго не къ истинѣ, а только къ обману.

По отношенію къ желательности дѣйствительного знанія существуетъ полное согласіе и никакого спора не можетъ быть; и потому, казалось бы, спорный вопросъ между суевѣріемъ и невѣріемъ разрѣшается очень легко.

Но дѣло далеко не такъ просто, какъ оно на первый взглядъ кажется. Оно затрудняется тѣмъ, что ни одна изъ сторонъ не признаетъ самоѣ себѣ ни суевѣріемъ, ни систематическимъ невѣріемъ; и та, и другая лишь такъ обзываются ихъ противниками. Указывая на ослѣпленіе, которымъ поражено невѣріе, само суевѣріе нимало не сознаетъ и не признаетъ за собою приписываемаго ему невѣжества; равнымъ образомъ и невѣріе, указывая на невѣжество, которымъ объято суевѣріе, нимало не признаетъ и не сознаетъ за собою ему приписываемаго ослѣпленія.

Еслибъ невѣжественные или ослѣпленные сами сознавали свое невѣжество или свое ослѣпленіе, тогда бы не было и не могло бы быть ни невѣжества, ни ослѣпленія.

Какъ суевѣріе, такъ и невѣріе вполнѣ увѣрены — каждое про себя, — что имъ исключительно обладается и хранится дѣйствительное знаніе: то-же, что выдается за зна-

ние ихъ противниками, считается съ обѣихъ сторонъ вовсе не дѣйствительнымъ, а только мнимымъ знаніемъ. Говоря о невѣріи, суевѣріе утверждаетъ, что оно, зная лишь вѣщнее и материальное содержаніе чувственныхъ вещей, не вѣдаетъ и не имѣеть ни малѣйшаго понятія о томъ, что всего важнѣе и существеннѣе знать, и безъ чего все остальное не имѣеть никакой цѣны. Говоря о суевѣріи, невѣріе утверждаетъ о немъ, что оно по своему невѣжеству именно и не въ состояніи различить мнимое знаніе отъ знанія дѣйствительного и, смѣшивая ихъ, постоянно принимаетъ и выдаетъ одно за другое.

Чрезъ это спорный вопросъ между суевѣріемъ и невѣріемъ переносится самъ собою на другую почву и становится вопросомъ о знаніи, причемъ остается лишь решить, какимъ образомъ или какими признаками можно различить мнимое знаніе, или невѣжество, отъ знанія дѣйствительного.

Формальнымъ образомъ различіе между тѣмъ и другимъ опредѣляется очень просто: никакого спора не можетъ быть въ томъ, что дѣйствительнымъ знаніемъ признается лишь знаніе самой истины, а мнимымъ знаніемъ должно считать лишь пустое, ничѣмъ неоправдываемое, и ни на чемъ неоснованное мнѣніе, которое признаеть и выдаетъ за самую истину лишь мнимую истину, состоящую изъ разныхъ, случайно установившихся предразсудковъ, заблужденій и всякаго рода невѣрныхъ представлений.

Но такимъ формальнымъ опредѣленіемъ вопросъ и сомнѣніе о томъ, *что* слѣдуетъ считать дѣйствительнымъ и *что* мнимымъ знаніемъ, очевидно, пимало не разрѣшается. Такъ какъ дѣйствительное знаніе только для того и требуется, чтобы быть въ состояніи отличить истину отъ заблужденія, которое въ томъ именно и состоитъ, что при немъ истина, не различаясь отъ заблужденія, сама признается и выдается за заблужденіе.

И какъ ссылка на предполагаемое извѣстнымъ раз-